

ОТНОШЕНИЕ КРЕСТЬЯН К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ (1917–1921 гг.)

*Работа представлена кафедрой истории и политологии
Воронежской государственной технологической академии.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. С. Паневин*

В статье рассматривается сложный процесс формирования взаимоотношений крестьянства и советской власти в Воронежской губернии, в регионе со значительным преобладанием крестьянского населения. В работе не только проанализирована проводимая продовольственная политика новой власти в деревне, но также ответная реакция на нее со стороны сельского населения. Детально показано, как крестьянство мирными, а затем и вооруженными методами боролось за свои жизненные интересы.

The complicated process of formation of interrelations between peasantry and the Soviet power in the Voronezh government with the considerable majority of peasant population is under consideration in the article. The author analyses not only food policy of the new power in the country, but also the feedback on it on the part of the population. He also shows in details how the peasantry were fighting for their vital interests by peaceful and later by armed methods.

Всю историю изучения проблемы можно разделить на два периода: 1) более обширный по времени существования и по количеству исследований – советский и

2) современный. Для каждого из этих периодов характерны свои особенности. Отрицательной чертой советской историографии являлись идеологическая цензура, ог-

раничивающая круг вопросов для исследования. На современном этапе развития историографии наблюдается значительное сокращение количества исследований, освещающих отношение крестьян к советской власти, особенно на региональном уровне. Также в настоящее время сложилось несколько направлений в оценке политики «военного коммунизма». Одни исследователи считают политику первых лет советской власти неудачным экспериментом, проведенным в соответствии с идеями большевиков, другие – вынужденным военным шагом.

Вопросом отношения воронежских крестьян к советской власти занимались многие исследователи: Б. Л. Брук¹, П. Н. Першин², А. В. Шестаков³, И. Г. Воронков⁴, В. М. Фефелов⁵, Е. Г. Шуляковский⁶, В. И. Логунов⁷, А. Я. Переверзев⁸ и др. В их многочисленных исследованиях отношение крестьян к советской власти и политика «военного коммунизма» оцениваются неоднозначно.

Так, в работе А. В. Шестакова⁹ впервые публикуются данные о подготовке и проведении крестьянских съездов в губерниях Центрального Черноземья. Автор приводит множество примеров кулацких выступлений, указывая «мелкобуржуазную» причину их возникновения. Так, в работах крупного регионального исследователя А. Я. Переверзева¹⁰ на обширных фактических материалах анализируется деятельность большевиков в деревне Центрального Черноземья. Исследования посвящены первым аграрным преобразованиям, осуществлению продовольственной политики, классовой борьбы в деревне, организаторской работе партии. Автор отмечает, что политика советской власти внесла положительные моменты в жизнь воронежского крестьянства: увеличение нормы земельного надела, улучшение питания в 1918–1919 гг.¹¹

Историографический обзор свидетельствует, что по истории отношений крестьян

и советской власти уже существует довольно многочисленная историческая литература. Но, как правило, эти исследования, освещающие отдельные вопросы данной проблематики. На современном этапе развития общества сложилась возможность заполнения существующих пробелов в истории крестьянства и власти, в контексте их взаимодействия в 1917–1921 гг. Итак, наиболее характерной чертой «военного коммунизма» являлась продовольственная разверстка. Так, еще Временное правительство вынуждено было 25 марта 1917 г. объявить хлебную монополию и сдачу крестьянами излишков по твердым ценам¹². Советское государство, унаследовав от предшествующего строя разваливающиеся экономику и финансы, получило в наследство и тенденции к чрезвычайным мерам, которые были значительно усилены Гражданской войной и идеологией, обещающей скорую победу социализма и мировой революции. Отсюда та легкость, с которой большевики шли на применение чрезвычайных мер, призванных укрепить диктатуру пролетарского меньшинства в стране с гигантским мелкобуржуазным большинством (крестьянством). Поэтому мероприятия «военного коммунизма» протекали в сельскохозяйственных районах более болезненно, чем в промышленных. В Воронежской губернии, как сельскохозяйственном регионе, политика советской власти воспринималась очень противоречиво. Эта проблема усугублялась еще и тем, что внутри каждого региона, имевшего общие черты, наблюдались и местные особенности. Тем более что кризисы, назревшие перед революцией, не были полностью решены и после установления советской власти.

В Декрете о земле, принятом на II съезде Советов 8 ноября 1917 г., и Наказе крестьян, приложенном к декрету, было записано: «Помещичья собственность за землю отменяется немедленно без всякого выкупа». Однако при его реализации в уездах Воронежской губернии земельные отделы

столкнулись с множеством трудностей. Так, со значительными сложностями столкнулись земельные комитеты в волостях Задонского уезда Воронежской губернии. Здесь надлежало произвести уравнение земли между волостями. Для осуществления этого были созданы три комиссии¹³. Так называемые «нетрудовые земли» располагались по территории уезда неравномерно. Поэтому в одних волостях (центральных и южных) оказался «недостаток земли против общеуездной нормы» (1 дес. 131 кв. сажень на едока), в других (северных и одной южной) оказались земельные излишки, которые должны были перейти малоземельным волостям. Подобное перемещение земель требовало огромных земельно-технических работ, уравнение было неосуществимо без переселения. В своей работе земельные уездные комиссии столкнулись и с другими трудностями. Крестьяне многоземельных волостей не хотели расставаться со своими излишками земли, в силу этого всячески препятствовали работе комиссий. Они добровольно уступали лишь неудобные земли. Поэтому крестьянам малоземельных волостей приходилось довольствоваться «отдельными разбросанными клочками», находившимися в среднем на расстоянии 30–40 верст друг от друга¹⁴. В 18 селениях Задонского уезда при распределении земель были зафиксированы столкновения крестьян, в усмирении которых власть не принимала никакого участия. Архивные материалы свидетельствуют, что уравнение земли в большинстве уездов и волостей Воронежской губернии проходило со значительными трудностями.

Наряду с земельным вопросом в деревне не был решен и продовольственный вопрос, что привело к увеличению недовольных политикой советской власти на селе. В целях укрепления своего положения на местах Наркомат внутренних дел РСФСР в мае 1918 г. издал распоряжение, в котором предписывалось волисполкомам губерний регулярно сообщать в уезды об отношении

населения ко всем нововведениям властей: службе в Красной Армии, к дезертирам из ее рядов, периодически докладывать о росте или падении престижа Советов среди населения и о степени влияния коммунистов¹⁵. Вся эта информация о политической обстановке, собранная волисполкомами, направлялась в информационно-инструкторский отдел губернского исполнительного комитета. Эти сведения анализировались и отправлялись в центральные отделы Советского правительства: Отдел связи и информации при оперативном отделе Совнаркома, Агитационный отдел исполкома, НКВД РСФСР, Информационный отдел Главного комиссара и военного руководителя всеми продовольственными отрядами страны, Агитационно-просветительский отдел Всероссийского бюро военных комиссаров, Всероссийская комиссия по организации и формированию Красной Армии и другие отделы. В некоторые из них сообщалось не только о ходе организации красноармейских формирований, их моральном облике и боеспособности, но и о слухах, ходивших среди деревенского населения, продовольственном положении, отношении к советской власти.

Большую роль в сборе общей информации о настроении населения в селах и волостях играли волостные военкоматы. Так, военный комиссар Бирюченского уезда Степанченко в июне 1919 г. телеграфировал в Воронежский губисполком: «Крестьяне относятся местами враждебно против принятых мер по ликвидации дезертирства, агитация местная не удовлетворяет»¹⁶. Из Острогожска уездный военком телеграфировал в Воронеж 17 ноября 1920 г., что в Гончаровской волости «некоторые лица агитируют в пользу восстания»¹⁷. Политический отдел штаба VIII армии сообщал в губернский исполнительный комитет о неблагоприятной для советской власти обстановке. Так, в январе 1919 г. «в Бобровском уезде неблагополучно. Советы и комбеды бездействуют...»¹⁸. Сведения о

выступлениях крестьян против продовольственной политики советской власти приходили из всех уездов Воронежской губернии. Так, в конце 1918 г. сообщалось: «Нижедевицкий уезд явно контрреволюционен и [необходимо] принятие решительных мер против агитаций, идущей на почве реквизиции хлеба, она находит сильную поддержку в массах и совершенно не дает возможности укреплению там Советской власти»¹⁹. Губернский военный комиссар (губвоенком) Благодарный 20 марта 1919 г. во все уездные исполкомы отправил специальные телеграммы, в которых отмечал, что «...губерния не спокойна и волнуется на почве хлебной монополии, чрезвычайных налогов...»²⁰. Для пресечения беспорядков и усиления власти на местах губвоенком указывал на необходимость «вооружить тов. коммунистов винтовками и револьверами», также ходатайствовал об отмене декрета Совнаркома от 10 декабря 1918 г., по которому выдача оружия сочувствующим была запрещена²¹.

Под влиянием сложной внутренней обстановки на селе советская власть неоднократно корректировала свою продовольственную политику на протяжении 1917–1921 гг. Можно выделить следующие ее периоды. Первый – конец 1917 г. – весна 1918 г. В это время Советское правительство проводит заготовки соответственно монопольной политике, но допускает некоторые отступления от проводимой политики: вводится своеобразный товарообмен, не ведется борьба с частной торговлей. Это, видимо, объясняется слабостью советской власти на местах и влиянием партии эсеров на население губернии.

Второй период – лето 1918 г. – конец 1919 г. Он совпал с укреплением советской власти в Воронежской губернии. Это был период, когда крестьяне прятали хлеб, проводились конфискации хлеба и реквизиции крестьянского имущества. ВЦИК и СНК 9 мая 1918 г. принимают постановление, в котором указывалось на то, что каждый

крестьянин, не вывозящий хлеб на ссыпные пункты, объявляется «врагом Советской власти»²². Данное постановление получило свое дальнейшее развитие в последующих декретах (от 13 и 27 мая 1918 г.), которыми Советское правительство вводит продовольственную разверстку. Сельское общество облагалось натурой за круговой порукой хозяев, причем каждый отдельный хозяин не знал точно, сколько он обязан внести продуктов, а если он продукты вносил – не мог быть уверен, что к нему не будут предъявлены новые требования, так как все «излишки» принадлежат государству. Для крестьян в этот период вводилась коллективная ответственность и нередко применялась практика взятия заложников из зажиточных крестьян, отвечающих жизнью за сбор и сдачу всех излишков и выполнение чрезвычайного налога. Так, в Острогском уезде отрядом ревтрибунала были взяты под стражу 30 человек заложников из числа зажиточных крестьян, которые в случае восстаний или невыполнения продразверстки подлежали немедленному расстрелу. Это касалось в первую очередь сел из так называемых «неблагонадежных волостей»²³.

Нарком продовольствия А. Д. Цюрупа 1 июня 1918 г. разослал во все губисполкомы специальные инструкции, в которых обращалось внимание на порядок изъятия хлеба. В инструкции указывалось, что владельцу надо оставлять хлеба не свыше установленных норм душевного потребления: 12 пудов зерна, 1 пуд крупы на год. Весь хлеб сверх указанных норм получал название «излишки» и должен был сдаваться государству за символическую компенсацию²⁴. Данную инструкцию по-разному оценило крестьянство на местах. Так, на IV Нижедевицком съезде, выслушав доклад о норме душевого продовольствия, депутаты вынесли решение, что эти нормы потребления значительно занижены как для человека, занимающегося тяжелым крестьянским трудом, так и для содержания до-

машных животных: лошади недостаточно 18 пудов зерна в год для того, чтобы «она работала», корове – 9 пудов, для того чтобы «иметь от нее молоко», свинье – 5 пудов зерна в год недостаточно, чтобы «иметь потом мясо»²⁵. Уездный совет единогласно признал норму потребления, установленную инструкцией от 1 июня 1918 г., «недостаточной» и создал собственную комиссию, которой было поручено определить «самую минимальную норму потребления продуктов», пригодную для крестьянского хозяйства. Комиссия предложила крестьянскому съезду следующие размеры норм: 30 пудов продовольствия в год на человека (вместо 12 пудов, установленных Наркомом продовольствия); рабочей лошади не менее 38 пудов (вместо 18 пудов); корове не менее 15 пудов ржи (вместо 9 пудов); свинье требуется 18 пудов ржи в год (вместо 5 пудов)²⁶. Однако съезд под влиянием коммунистов, прибывших из Москвы, при голосовании отклонил нормы, выработанные специальной комиссией, но перевес был незначительным (против принятия норм, выработанных комиссией, проголосовали 52 человека, за – 43 голоса)²⁷.

Для проведения более результативной продразверстки на селе в это время создаются комитеты бедноты, которые в итоге стали противопоставляться зажиточным крестьянам и «кулакам». По декрету от 11 июня 1918 г. новые органы власти (комбеды) становились единственной реальной властью на уровне волости, села, деревни. Они имели широкие полномочия и нередко располагали своими военными отрядами, иногда могли заменять Советы²⁸.

Третий период (конец 1919 г. и весна 1921 г.) характеризуется дальнейшим развитием продовольственной разверстки. Ее результатом явилось падение сельского производства, рост крестьянских выступлений, развитие бандитизма и мешочничества, а также распространение голода. В 1920–1921 гг. из многих уездов Воронежской губернии приходили телеграммы сле-

дующего содержания: «В Новохоперском уезде сильный голод... население питается сеном и шляпками от подсолнуха. Желуди и лебеда вошли в продукты питания еще с осени 1920 г. Семьи красноармейцев не получают пайки»²⁹. В телеграмме из Калача отмечалось, что в уезде «жесточкий продовольственный кризис»³⁰. Констатировались случаи массовой голодной смерти. В телеграмме от 27 февраля 1921 г. из Богучарского уезда сообщалось, что в уезде «страшный продовольственный кризис, при котором для огромного большинства населения неминуема голодная смерть... На местах хлеба совершенно нет»³¹. Чрезвычайный налог не выполнялся, а Советское правительство ужесточало меры. Все проявления жестокости в продовольственной политике В. И. Ленин объяснял тем, что в России ведется «...уже классовая борьба не за долю производства... а за спасение от голода»³². Советская власть в конце этого периода вынуждена была принять решение о переходе от разверстки к продовольственному налогу.

В целом продовольственная политика привела к обострению отношения крестьянства к советской власти, которое в некоторых случаях приводило к вооруженным выступлениям крестьян против политики власти на местах. Так, уже при первых попытках в декабре 1917 г. изъять хлеб в селе Боево вспыхнуло восстание крестьян³³. Одновременно с этим восстанием проходил Воронежский Совет рабочих и солдатских депутатов, который осудил действия крестьян села Боево и выразил готовность «всеми мерами реквизировать излишек хлеба в селе, а зачинщиков предать революционному суду»³⁴. Продовольственная политика советской власти была основной причиной распространения крестьянских восстаний во многих губерниях России, в том числе и в Воронежской. Так, в июне 1918 г. жители сел Старая Чигла и Тишанка Бобровского уезда, Старая Хворостань Коротоаякского уезда и Ливенки Павловского уезда совер-

шили вооруженное нападение на продовольственные отряды. Разгромив отряд, крестьяне вернули реквизированный хлеб³⁵. В июне 1918 г. на имя редактора «Известий Воронежского Губисполкома» получено письмо «Шукавского Волостного ЦК РКП (б)». В нем сообщалось, что при «реквизиции хлеба беднотой у кулаков, [кулаки] оказали сопротивление, в результате которого был убит один кулак, после чего на своем собрании кулаки вынесли смертный приговор “друзьям трудового пролетариата членам большевистской партии”»³⁶. В Острогжском уезде крестьяне повесили замки на ссыпные пункты, поставили «стражу и не выпускали хлеб»³⁷.

Серьезность положения в Воронежской губернии раскрывает телеграмма из Воронежа Л. Д. Троцкого В. И. Ленину. В ней отмечалось: «Все известия с места свидетельствуют, что чрезвычайный налог крайне возбудил местное население... Ввиду плохого продовольственного положения представлялось бы необходимым действие чрезвычайного налога приостановить или крайне смягчить, по крайней мере, в отношении семей мобилизованных»³⁸.

Большое количество жалоб от крестьян поступало не только на тяжесть чрезвычайного налога, но и на неправильное проведение продразверстки (по едокам, освобождение богатых и непомерное обложение середняцких хозяйств)³⁹. Крестьянское движение стало вбирать в себя не только зажиточных крестьян, но и середняков и бедняков. Оно начинает приобретать более ожесточенный и затяжной характер. Особенно наибольший подъем выступлений произошел в марте 1919 г. Это объясняется тем, что в этом месяце крестьяне должны были сдать 30% годовой разверстки хлеба. Губернский военный комиссар Благодарный отправил телеграммы во все уезды, в которых отмечал, что масштабное «восстание разливается, захватывая собой южные части губернии»⁴⁰. И ситуация еще более усугубляется тем, что «губерния не-

спокойна и волнуется на почве хлебной монополии чрезвычайных налогов...»⁴¹. Крестьянские восстания охватили Богучарский, Землянский, Задонский, Бирюченский, Валуйский, Калачеевский, Новохоперский, Павловский уезды Воронежской губернии. Эти события привели к тому, что губисполком 30 марта 1919 г. вынужден был объявить Воронежскую губернию на военном положении⁴².

Для крестьянских восстаний Воронежской губернии 1918–1919 гг. было характерно спонтанное, стихийное начало. Почти все восстания этих лет были кратковременны. Подъем крестьянских выступлений, как правило, начинался во время сбора властью чрезвычайного налога, а спад приходился на начало периода полевых работ. В советской историографии многие крестьянские восстания были охарактеризованы как контрреволюционные, направленные против становления и укрепления советской власти. Архивные материалы свидетельствуют о том, что крестьяне, участвовавшие в таких восстаниях, в своих требованиях не заходили дальше, чем убрать «неугодных руководителей и заменить их другими лицами». Крестьяне часто отказывались подчиняться распоряжениям местного совета. Так, в апреле 1919 г. в селе Березовка Землянского уезда крестьяне решили не признавать сельскую советскую власть и избрали свой Совет. Однако сельсовет с. Березовки при помощи военного отряда, прибывшего из Воронежа, восстановил порядок на селе и наложил штраф на отделившихся крестьян⁴³.

Сравнивая крестьянские выступления 1918–1919 гг. и 1920–1921 гг., можно говорить, что восстания этих лет имели свои отличия. Так, заметно стали различаться масштабы волнений и число участников, продолжительность и ожесточенность боев. Для крестьянских выступлений 1920–1921 гг. было характерно наличие развитых программ восстания, присутствие лидеров. Так, восстания из своей начальной формы

(характерной для 1918 – начала 1919 г.) перерастают в более крупные и масштабные, одним из примеров таких «укрупненных» сопротивлений было Антоновское восстание. Именно в 1920 г., по признанию М. Н. Тухачевского, Красной Армии приходилось подавлять уже не отдельные «кулацкие» выступления, а вести борьбу с народом»⁴⁴. Советская власть также стала по-иному рассматривать крестьянские выступления, если в официальных документах в 1918–1919 гг. они назывались контрреволюцией, то 19 февраля 1920 г. Совнарком принял еще одно постановление, подписанное В. И. Лениным: «О мерах борьбы с бандитизмом», с этого времени крестьянские выступления стали называться бандитизмом.

С конца 1919 – начала 1920 г. восстания приобретают иной качественный уровень. В южных и юго-восточных районах Воронежской губернии в восстаниях активное участие принимает все население, не исключая женщин и детей. Советы не разгоняются, а привлекаются на сторону восставших. Самый распространенный лозунг повстанцев – «против грабежей и голода» – говорит за то, что восстание получило свое начало в самой гуще деревни, будучи чуждо какого бы то ни было стороннего влияния»⁴⁵. Во многих телеграммах руководителей губернии и уездов указывалось на то, что важной причиной выступлений крестьян была не только продрозверстка, но и частые нарушения со стороны представителей советской власти на местах. Так, за сданный в 1919 г. хлеб населению Новой Калитвы «не было заплачено ни копейки, розверстка в текущем году производилась по едокам, а не по классовому принципу»⁴⁶. Именно эти причины послужили началом восстания в Новой Калитве, которое впоследствии привело к оформлению одной из крупнейших банд на территории Воронежской губернии под предводительством Колесникова.

Особенностью крестьянских выступлений 1920–1921 гг. стало втягивание в борьбу с советской властью местных армейских

частей и их переход на сторону восставших сельских и волостных Советов. В приказе № 3 Командующего войсками Орловского Военного округа Скудре войскам Тамбовской и Воронежской губерний от 31 декабря 1920 г., который проходил под грифом «совершенно секретно», было признано, что «неустойчивость частей действующих против восставших эсеров и кулаков в значительной степени есть результат очень плохо поставленной просветительской работы. Нельзя не отметить, что Антонов и Калашников не ограничиваются лишь пропагандой, но, также действуя особыми примерами, морально разлагают наши части. Вместо повального террора и ужаса, которые нередко применяются нашими политически несознательными частями не только к захваченным повстанцам, но и порой к местному населению, наш противник со всей строгостью проводит грань между красноармейцами, коммунистами и командирами, между стреляющим и бросающим оружие. Расстреливая и разрубая на куски одних, великодушно [отпуская] других, вносит больше вреда в наши ряды, чем десятки пулеметов в его руках. Если хоть немного [задуматься] над сказанным, не остается месту удивления, что банды повстанцев без наказания разгуливают в течение ряда месяцев. Своими необдуманными и нетактичными действиями мы часто своими руками увеличиваем ряды противника»⁴⁷. В этом документе со всей прямотой того времени указывалось на серьезные ошибки отдельных советских гражданских и военных руководителей и тактичность «вожаков» восставших в отношении с местным крестьянством.

Таким образом, последний год политики «военного коммунизма» (1920–1921 гг.) отличался прежде всего запретом рыночных отношений, который сопровождался жестокими реквизициями и поддерживался многочисленными заградотрядами. Торговля собственными продуктами крестьянского производства рассматривалась как

преступная спекуляция. В 1917–1921 гг. отношения крестьян и советской власти формировались в период ее становления на местах, с преобладанием крестьянского населения. Процесс создания легитимного образа власти для крестьянства проходил в Воронежской губернии очень сложно, так как проводимая новой властью продовольственная политика столкнулась с жизненными интересами сельского населения губернии. В исследуемый период крестьян-

ское движение становилось все более масштабным. Основными причинами поражения крестьянского движения были стихийность, одновременность развития крестьянских выступлений, ограниченность территории, слабость организаторских и военных возможностей. Хотя оно так и не одержало победы, но заставило власть пойти на уступки и смягчить свои жесткие меры, весной 1921 г. заменив продразверстку продналогом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Брук Б. Л. Производственные районы Воронежской губернии. Воронеж, 1921; *Он же*. Крестьянское хозяйство в 1920–21 гг. (период продразверстки) по 29 крестьянским бюджетам, обследованным в Воронежском уезде. Воронеж, 1923.

² Першин П. Н. Земельное устройство дореволюционной деревни. Т. 1. М.; Воронеж, 1928; *Он же*. Аграрная революция в России: В 2 кн. М., 1966.

³ Шестаков А. В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. Вып. I. Воронеж, 1930.

⁴ Воронков И. Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1952; *Он же*. Воронежские большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1957.

⁵ Фефелов В. М. Из истории установления власти Советов и волостях и селах Воронежской губернии в 1917–1918 гг. // Известия Воронеж. пед. ин-та. 1967. Т. 63. С. 208–230; *Он же*. К истории установления Советской власти в г. Острогожске Воронежской губернии // Известия Воронежского пед. ин-та. 1958. Т. 26. С. 13–22; *Он же*. Установление Советской власти в уездных центрах Воронежской губернии // Известия Воронежского пед. ин-та. 1960. Т. 31. С. 28–51.

⁶ Шуляковский Е. Г. В. И. Ленин и трудящиеся Черноземного Центра. Воронеж, 1977.

⁷ Логунов В. И. КПСС – организатор восстановления народного хозяйства Центрального Черноземья 1921–1927 гг. Воронеж, 1970. С. 84.

⁸ Переверзев А. Я. Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России (октябрь 1917–1918 гг.). Воронеж, 1976; *Он же*. Великий октябрь и преобразование деревни: опыт революционно-преобразующей деятельности РКП (б) в деревне Черноземного центра в России, 1917–1921. Воронеж, 1987.

⁹ Шестаков А. В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. Вып. I. Воронеж, 1930.

¹⁰ Переверзев А. Я. Указ соч.

¹¹ Переверзев А. Я. Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России (октябрь 1917–1918 гг.). С. 163–164.

¹² Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973. С. 56.

¹³ Келлер В., Романенко И. Первые итоги аграрной реформы. Опыт исследования результатов современного землеустройства на примере Задонского уезда Воронежской губернии. Воронеж, 1922. С. 32.

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Вестник Комиссариата Внутренних Дел. 1918. 27 мая. № 14. С. 4.

¹⁶ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 52.

¹⁷ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 181. Л. 208.

¹⁸ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.

¹⁹ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 624. Л. 142.

²⁰ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 4.

²¹ Там же.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

- ²² *Сикорский Е. А.* Советская система политического контроля над населением в 1918–1920 гг. // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 92.
- ²³ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 884. Л. 26.
- ²⁴ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 393. Л. 31.
- ²⁵ Там же. Л. 49.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. Л. 49–50.
- ²⁸ *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 192.
- ²⁹ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 884. Л. 45–46.
- ³⁰ Там же. Л. 51.
- ³¹ Там же. Л. 30.
- ³² *Мигущенко О. Н.* Военный коммунизм в Курской губернии: Учеб. пособие для высших учебных заведений МВД России. Орел, 1998. С. 29.
- ³³ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 623. Л. 13.
- ³⁴ Известия Воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 16 декабря. № 9; ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 623. Л. 13.
- ³⁵ *Ланно Д. Д.* В красно-белом отсвете трагедии (Воронежская губерния. 1917–1920 гг.). Воронеж, 1993. С. 72.
- ³⁶ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 482. Л. 5.
- ³⁷ Воронежский красный листок. 1918. 6 августа.
- ³⁸ *Ланно Д. Д.* Указ. соч. С. 73.
- ³⁹ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 3.
- ⁴⁰ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 4.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. Л. 17.
- ⁴³ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 75. Л. 27.
- ⁴⁴ *Осипова Т. В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974. С. 322.
- ⁴⁵ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 64.
- ⁴⁶ Там же. Л. 65.
- ⁴⁷ Там же. Л. 73.